

САХАРНЫЙ НЕМЕЦ

Роман

Издание: Сергей Клычков, "Сахарный немец", Роман. Изд-во: YMCA-PRESS, Париж, 1982.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 31 октября 2002. Библиотека Александра Белоусенко - belousenkolib.narod.ru

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАЯЦ ИЗ ДВЕНАДЦАТОЙ РОТЫ

ЗАУРЯД

...Эх, рассказывать, так уж рассказывать... Простояли мы так, почитай, два года в этой самой Хинляндии, подушки на задней части отрастили -- пили, ели, никому за хлеб-соль спасибочка не говорили и хозяину в пояс не кланялись: рад бы каждый от стола убежать, из лесной лужи пить, березовое полено вместе с зайцами грызть -- лишь бы спать на своей печке!

Да куда тут с добром: посадили нас, в час неровён, в большое, длиной с наше Чертухино будет, корыто... Сидим мы в этом корыте и день, и два, все депеши какой-то приемной дожидаемся, а к этой поре навалило к нам баб из Чертухина видимо невидимо -- попрощаться с нами... Поглядишь за борт, так вот по берегу и ходят, только ни песен не поют, не смеются, смотрят, как поколоченные, и, что голосу, плачут...

Жалко нам было о-те-поры, что Зайчика, Миколая Митрича, зауряд-прапорщика Зайцева, с нами не было -- вот бы спели тогда Зайчик да я с Пенкиным "Размалинушку"... Стоим так день, стоим так два: ни нам из корыта вылезть, ни самому корыту от берега уйти, так и кажется из-за Гельсинка: стоит это корыто у берега, а с берега нагнулась баба рябая -- гору мы так прибереж-ную прозвали, больно камниста да конопаста! -- нагнулась баба рябая и в засиненной крепкой синькой воде полощет наши штаны и рубахи, готовит в поход и складает в корыто, колотит валиком на спине у покатой скалы, с которой сбегает вниз мыльная пена.

Но как-то, спустя неделю иль две, с вечера нас никуда не пустили, бабы по берегу спали в повалку без нас, хватили мы на сон хинляндской сивухи, а утром, когда продрали глаза, так ни баб, ни бабы -- рябой постирухи, ни самого берега было не видно, а кругом так синё, так синё, инда глазам неприятно...

Локнули мы опохмелки и, как дальше по морю ехали, как по суху шли, никто хорошо и не помнит, прочистились наши мозги только, когда первая пуля попала в окопный блиндаж и Пенкину трубку разбила...

-- Немцы,-- сказал Иван Палыч, как-будто того и не знал до сих пор, да и мы тоже не знали...

Но трубку Пенкин не очень жалел, начал у всех одолажаться, немцы стреляли один раз в неделю, а мы и еще того мене: с ружьем плохие балушки! -- И время поплыло, поплыло, а с ним за окопом и чистые двинские воды...

Сколько тут времени прошло, уж не помню, может, неделя, а может, и год: у солдата часы смерть заводит, смерть переставляет в них стрелки и в негаданный час останавливает часики вовсе:

-- Зайчик вернулся...

Зауряд-прапорщик Зайцев... Его благородие!..

На плече перекладина: -- зауряд!..

* * *

Нашему брату эта перекладина не больно сперва приглянулась. Гляди, и руки не протянет, а Иван Палычу -- фельдфебелю нашему -- так тому рот клещами зажал, так и не ституловал Зайчика "вашим благородичком", а под козырек, да и ляпнул "ваше заурядичко". Ротный, Палон Палоныч, рядом стоял и в